

КЛАУС
ХАГЕРЮП

МАРКУС И ДИАНА

верхняя полка

Клаус Хагерюп

Маркус и Диана

Серия «Верхняя полка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69293395

К. Хагерюп. Маркус и Диана: ООО «Издательство Альбус корвус»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-00114-159-4

Аннотация

Стеснительный и неуверенный в себе четырнадцатилетний Маркус боится всего на свете: высоты, темноты, лифтов, а больше всего – девочек. Но он забывает все страхи, когда пишет письма известным людям и просит прислать ему автограф. Секрет в том, что в этих письмах Маркус представляет себя кем-то другим: слепой вдовой в инвалидной коляске или молодым спортсменом, чья карьера разрушилась из-за допинга. И вот однажды Маркус пишет письмо актрисе Диане Мортенсен от имени одухотворенного миллионера, который понимает, что такое бремя славы. И о чудо! – Диана отвечает и даже собирается приехать в Норвегию, чтобы встретится с автором письма. Маркус и его друг Сигмунд придумывают, как сделать так, чтобы встреча состоялась, но, как всегда, все идет не совсем по плану. В итоге Маркус понимает, что больше всего на свете ему хочется быть просто самим собой, как бы трудно это ни было.

Клаус Хагерюп (1946–2018) – норвежский писатель, переводчик, сценарист, актер и режиссер. Дебютировал в 1969 году со сборником стихов «Вот как я о тебе думаю». В 1968–1969 годах Клаус Хагерюп играл в разных театрах, а также работал преподавателем, режиссером и писателем. Кроме того он снялся в нескольких фильмах, но более известен как автор пьес для театра и радио и книг, в основном, для подростков. Наибольшую известность принесла Клаусу Хагерюпу серия про неуверенного в себе подростка Маркуса. В 1988 году Клаус Хагерюп написал биографию «Мне все так близко» о своей матери Ингер Хагерюп, которую считают одной из самых значимых норвежских поэтесс XX века. Клаус Хагерюп получил несколько литературных премий, а в ноябре 2018 года он был награжден Почетной премией Браге за вклад в норвежскую литературу.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	26
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Клаус Хагерюп Маркус и Диана

Klaus Hagerup

Markus og Diana

© Klaus Hagerup

© Вера Дьяконова, перевод, 2021

© Виктория Попова, обложка, 2022

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2022

* * *

Глава первая

Не было человека трусливей Макакуса. Так называли Маркуса Симонсена, боявшегося высоты и темноты. Маркуса Симонсена, уверенного в том, что его поразит гром, стоит только ему наступить на люк, и ни за что на свете не решавшегося зайти в лифт. Маркуса Симонсена, трясущегося при виде пауков, собак и всего, чего вообще можно в этом мире бояться. А больше всего – девочек. Они пугали его до полусмерти и одним взглядом вгоняли в краску. А глядели на него часто. Хотя особо смотреть было не на что. Маркус был самым худеньким мальчиком в 6 «Б» классе. У него были волосы песочного цвета и толстенные очки в коричневой оправе. Из-за них он походил на старичка, хотя ему было всего тринадцать. Впрочем, он выглядел старше не только из-за очков. Таким его делал страх. Когда он бродил взад-вперед по школьному двору вместе с Сигмундом, он ходил медленным шагом, понутив голову. «Как старый гном», – говорил Райдар, владелец горного велосипеда за много тысяч крон, пробежавший шестидесятиметровку за 8,3 секунды. У Маркуса вообще не было велосипеда. От одной мысли о том, чтобы выезжать на раскачивающейся железяке с колесами, ему становилось дурно. Лучше ходить в школу пешком, и это тоже очень рискованно, считал он. Собаки без поводка, водители-дальтоники, не отличающие красного от зеленого.

Никогда не знаешь, что случится. Лучше не подвергать себя лишней опасности. Но есть ли хоть что-нибудь, что ее в себе не таит? Маркус сомневался. Он шел по жизни, как по канату.

Общался он исключительно с Сигмундом, как это ни странно. Сигмунд был самым высоким и способным мальчиком в классе. Отец Сигмунда был математиком, и Сигмунд потряс весь класс сочинением о происхождении Вселенной. Он написал о Большом взрыве, черных дырах и сжатой Вселенной так естественно, будто это было описанием поездки на Канарские острова. Кроме того, он читал книги по-английски. По меньшей мере четыре девочки в классе были тайно влюблены в Сигмунда, а тот воспринимал это с величайшим спокойствием.

– Смотри, Муна уставилась на тебя, – прошептал Маркус однажды, когда они прогуливались на перемене, потому что Сигмунд и Маркус не ходили – они прогуливались взад-вперед по школьному двору.

– Нет, – медленно проговорил Сигмунд. – Скорее, она уставилась на тебя.

Тогда Маркус покраснел и наклонил голову еще ниже к земле.

– Этого-то я и боялся, – прошептал он.

– Если девчонки тарашатся, надо тарашиться на них в ответ, – сказал Сигмунд, – тогда они в два счета перестанут.

– Тебе легко говорить. Ты выше ста семидесяти. А я всего

сто пятьдесят.

– Да, – сказал серьезно Сигмунд, – наверно, я остановлюсь только на трех метрах.

– Тогда ты попадешь в Книгу рекордов Гиннеса, – ответил Маркус.

– Не хочу в Книгу рекордов Гиннеса. Хочу стать астрофизиком.

Маркус понятия не имел, что такое астрофизик, но он не понимал, почему это должно помешать Сигмунду попасть в Книгу рекордов Гиннеса, и высказал свое соображение.

– Сколько, по-твоему, астрофизиков записано в Книгу рекордов Гиннеса? – спросил Сигмунд.

– Не знаю.

– Ни одного.

– Значит, ты будешь первым.

– Если я буду три метра ростом, у меня не будет времени, чтобы стать астрофизиком. Мне будут постоянно мешать. Привет, Муна! – крикнул он.

Муна посмотрела на них. Она встретила взглядом с Сигмундом и покраснела.

– Сильно занята, Муна?

– Чего?

– Ты подготовилась к контрольной по истории?

– Я... Я не знаю. А что?

– Ну если ты не подготовилась, как же ты можешь тратить время на то, чтобы так глазеть на Макакуса.

Муна покраснела еще больше, открыла учебник, который она держала, и притворилась, будто читает изо всех сил.

– Вот как надо ставить на место неподобающих девиц, – сказал Сигмунд.

– Я не могу. Послушай. Тебе обязательно звать меня Макакусом?

– Тебя же все Макакусом зовут.

– Да, но ты можешь называть меня Маркусом.

– Я ведь твой друг?

– Да.

– Именно поэтому я зову тебя Макакусом, – сказал серьезно Сигмунд, – остальные все равно тебя так зовут. А когда я тебя так называю, это уже не кличка. И ты к этому привыкнешь.

– Нет, не привыкну.

– Откуда ты знаешь? Я только что начал тебя так называть.

Подобные дискуссии Маркус и Сигмунд могли вести часами. Они могли углубиться в самые невероятные доводы, которые приводили к самым непредсказуемым выводам. Никто, даже они сами, не понимали почему они подружились. Они отличались, как небо и земля, и, может быть, подружились именно поэтому.

* * *

Маркус жил в красном деревянном доме в паре километ-

ров от школы. Они переехали из центра города два года назад, после смерти его матери. Теперь они с отцом жили одни. У него не было братьев и сестер, но у него была фантастическая коллекция автографов. Маркус охотился за автографами. Настоящими автографами. Ему было слишком страшно просить у известных людей автограф, если он встречал их на улице, поэтому он писал письма. Сотни фантастических, хорошо написанных писем, полных слепого восхищения. Он сидел, склонившись над бумагой, с карандашом в руках, и весь его страх как ветром сдувало. И, самое странное, он вживался в придуманные образы настолько, что почти верил тому, что писал, хотя врал безбожно. Без тени смущения он мог написать известному поэту:

Уважаемый Улаф Стайнгримссон!

Я сижу в кресле-каталке, вся в слезах. Я вдова восьмидесяти четырех лет. К сожалению, я почти ослепла и не могу читать Ваши стихи сама. Но я попросила моего внука, кудрявенького Маркуса Симонсена, читать их вслух. Должна признаться, что они чертовски хороши. Раньше мне больше нравился Александр Пушкин, но теперь Вы стали моим любимым поэтом. Дело в том, что маленький Маркус собирает автографы. Сказать, что мальчик – любовь моей жизни, не будет преувеличением. Не могли бы Вы, уважаемый Улав Стайнгримссон, послать ему свой автограф, столько радости принес бы он и молодому, и старому сердцу. Я потратила

часть своей пенсии на конверт и марку, и, надеюсь, Вы меня не разочаруете.

С уважением,

Ауд Симонсен (84 года)

P.S. Удачи Вам в получении Нобелевской премии, которую Вы честно заслужили.

Или звезде спорта:

Уважаемый Турмуд Юнсен!

Поздравляю с победой в чемпионате Норвегии. Вы прыгаете через препятствия, как пантера. Назвать Вашу силу «первобытной мощью» значит не сказать ничего! Дело в том, что я тоже должен был бегать с препятствиями. Вы, конечно, обо мне не слышали, потому что я так и не дошел до старта. Могу поклясться, Вам любопытно узнать почему. Ответ прост: допинг! И как Вы думаете, кто дал мне его? Мои родители. Они хотели сделать из меня олимпийского чемпиона. А вместо этого превратили в ничто. Никогда в жизни я больше не смогу преодолеть ни одного препятствия. Единственное, что мне осталось, – это хранить автографы моих друзей по спорту, и потому я пишу Вам: Турмуд Юнсен, Вы всегда были моим идеалом. Если бы Вы могли прислать мне свой автограф, я бы вынимал его и радовался в минуты, когда горечь готова одолеть меня, что бывает весьма часто.

Спортивный привет от

Маркуса Симонсена (18 лет).

P. S. Удачи в получении олимпийского золота, которое мне уже не грозит.

Подобные письма он писал пачками и почти всегда получал ответы. На стенах его комнаты висели присланные ему фотографии знаменитостей со всего света, а ящики комода были забиты письмами с автографами и ободряющими словами. Письма доставляли радость ему самому и его отцу, который собирал марки, работал в офисе и был таким же трусливым, как Маркус. В сущности, они различались только возрастом, а в остальном были ужасно похожи. Тот же цвет волос, та же шаркающая походка и такие же очки. Маркус был худым, а Монс Симонсен – толстым, вот и вся разница. На работе его называли Кротом. Маркус этого не знал, но и отец не знал, что сына называют Макакусом.

* * *

Все началось со школьного похода. Похода в горы, о котором учитель Скуг объявил в 6 «Б» классе на уроке норвежского как о приятном завершении учебы:

– Прежде чем вы вольетесь в ряды подростков, когда мальчики научатся быть мужчинами, а девочки – женщинами...

– С грудью и критическими днями, – сказал вполголоса Райдар, но учитель Скуг сделал вид, будто не слышит, поскольку он был человеком мирным и по возможности избегал неприятностей.

– Девочки взрослеют раньше мальчиков, – сказала Эллен Кристина.

– А вот и нет, – горячо отозвался Пер Эспен. – У Райдара вот волосы уже и наверху, и внизу, а у вас ни у кого еще нет.

Маркус и несколько девочек покраснели, но Эллен Кристина не сдавалась. Она свысока посмотрела на Пера Эспена и сказала презрительно:

– Ну прямо!

– Правда, господин учитель, – сказал Пер Эспен, – мальчики лучше?

– Мы так по-разному взрослеем, – осторожно ответил учитель Скуг.

– Только не Райдар! – сказал Пер Эспен. – Ой!

Он сидел за партой перед молодым человеком с волосами и наверху, и внизу и подскочил на месте, когда кончик карандаша воткнулся ему в спину.

– Когда мы поедем? – спросил Сигмунд.

Маркус посмотрел на него с благодарностью. Он сидел, склонив голову к парте, и со страхом ждал, когда его спросят, где у него растут волосы.

– В последние выходные мая, – сказал учитель Скуг. – Я подготовил бланк заявления, который вы можете взять для

родителей, но, надеюсь, поедут все.

– Главное, чтоб детей не народилось, – пробормотал Райдар, но тут, по счастью, раздался звонок.

* * *

Был вечер пятницы, и до отправления автобуса от школы оставалось два часа. И Маркус, и его отец с ужасом ждали похода. Монс знал, что три дня без сына он проведет, постоянно опасаясь, что Маркус утонул в горном озере, заблудился в тумане или свалился в пропасть. Маркус не знал, чего он боится, но стертые ноги казались самой незначительной проблемой. Оба делали вид, будто все в порядке. Так было всегда.

– И высоко вы подниметесь? – спросил Монс.

– Да, – ответил Маркус, – надеюсь.

– До альпийских лугов?

– Даже дальше, я думаю.

– Бедняги те, кто боится высоты, – весело сказал Монс.

– Да уж, – сказал Маркус, – бедняги.

Маркус никогда не рассказывал отцу, что он до смерти боится высоты. Да и не нужно было, потому что Монс сам боялся высоты, и вместе они никогда не ходили в горы и не забирались на высокие башни. Оба скрывали друг от друга свой страх, но, поскольку оба боялись до смерти, проблем не было. Монс помогал Маркусу собирать рюкзак, пока тот не

стал походить на маленького объевшегося слона. Монс вытер со лба пот.

– Ну, кажется, мы собрали все самое необходимое.

– Кажется, собрали.

– Давай еще раз пробежимся по списку, – сказал Монс. –

Шерстяные носки, теплое белье, простое белье, рубашки, свитера, шарф, варежки, теплый комбинезон, тренировочный костюм, кроссовки, резиновые сапоги, куртка от дождя, плавки, полотенце, зубная щетка, зубная паста, таблетки от головы, пластырь, градусник, эластичный бинт, рыбий жир, сетка от комаров, фотоаппарат, шашки... Насколько я тебя знаю, ты же сыграешь с мальчиками партию?

Маркус кивнул:

– Одну или две, конечно.

– Компас, пижама, темные очки, запасные очки, солнцезащитный крем, веревка...

– Вевевка?

– Да, никогда не знаешь, когда в горах может пригодиться веревка. Сухое молоко, спички...

– Папа, я не курю.

– Я знаю, Маркус. Просто на всякий случай.

– На случай, если я все-таки захочу покурить?

– На случай, если придется разводить костер.

– А-а.

– Носовые платки, спрей для носа, шоколад, бинокль, спальник, лопата...

– Она мне не нужна.

– Точно? Все равно возьми.

– Зачем?

– А вдруг тебе захочется закопаться.

Маркус серьезно посмотрел на отца:

– Я уверен, что мне не захочется закопаться, папа.

– А если вы попадете в пургу?

– Мы не попадем в пургу. Учитель сказал, что там даже снега нет.

– Тогда лопата нам не нужна, – сказал Монс с облегчением и дружески толкнул Маркуса в плечо. – Мой сын – покоритель гор.

Маркус толкнул отца в ответ:

– Мой самый лучший отец.

Хотя Маркус и Монс почти никогда не рассказывали друг другу о своих чувствах, они были настоящими друзьями. Маркус не говорил отцу о своих страхах только потому, что понимал – страх заразное чувство. То же самое испытывал Монс. На самом деле они уже давным-давно друг друга раскусили, и это только крепче связывало их.

Монс помог Маркусу надеть рюкзак.

– Тяжелый?

Маркуса зашатало из стороны в сторону, но потом он поймал равновесие.

– Немного. Может, вынуть градусник?

Монс засмеялся:

– Может, напроситься к тебе в носильщики?

Тон был шутливым, но Маркус знал, что сказано было на полном серьезе. Его тело слегка онемело.

– Лучше не надо, папа. Я же теперь подросток, знаешь ли.

– Да, в самом деле.

– С грудью и критическими днями.

– Ты это о чем?

– То есть с волосами и наверху, и внизу.

– Что?

Маркус стоял прямо, но его тянуло вниз. Рюкзак весил минимум тонну. Он улыбнулся отцу:

– В другой раз, папа. В другой раз мы пойдем в горы вместе.

– Только ты и я?

– Да, только ты и я, папа, и мы заберемся на самый верх!

Монс Симонсен улыбнулся. На самом деле оба очень грустили и оба знали об этом, но никто не хотел говорить о своих мыслях.

– Договорились, – сказал Монс и снова толкнул Маркуса.

Тяжеленный рюкзак все-таки опрокинул его на пол. Монс наклонился над сыном.

– Маркус! Ты не ударился?

Маркус улыбнулся в ответ:

– No problem, папаша, но, может, ты мне поможешь донести рюкзак до машины?

Глава вторая

На школьном дворе было весело и шумно, и, когда они с отцом вышли из машины, Маркусу показалось, что все сразу уставились на него. Монс открыл багажник, а девочки, говорившие громче всех, вдруг зашептались. В воздухе повисло ожидание. Когда отец захотел помочь ему надеть рюкзак, Маркус незаметно покачал головой. Монс поставил рюкзак на бугорок и обнял Маркуса:

– Будь осторожен, мой мальчик.

Он говорил тихо, но Маркусу послышался рокот.

– У меня есть номер мобильного Скуга, – сказал Монс. – Хочешь, я позвоню вечером и пожелаю тебе спокойной ночи?

– Не звони нам, мы сами позвоним, – пробормотал Маркус.

Он не обернулся, когда Монс сел в машину, но когда машина завелась, он все-таки обернулся. Он помахал, глядя на заднее стекло, и понял, что отец смотрит на него в зеркало, а одноклассники уставились ему в затылок. Он наклонился над рюкзаком и невдалеке услышал тихий голос:

– Сейчас последует попытка установить мировой рекорд среди макак по поднятию тяжестей.

Не получилось. Маркус старался казаться невозмутимым, присаживаясь на корточки и просовывая руки под лямки

рюкзак. Затем он попробовал встать, но его потянуло назад. Он уперся коленом в землю, наклонил туловище вперед и медленно встал на ноги. Лицо его побагровело. Кто-то захлопал. Он медленно повернулся, посмотрел в небо и попытался сделать вид, будто он радуется прекрасной погоде. Потом на негнущихся ногах пошел к автобусу, где стояли другие ученики. Он был самым маленьким мальчиком в классе, но у него был самый большой рюкзак.

– Бинокль взял? – спросил Сигмунд.

Маркус кивнул.

– Если вечером будет хорошая погода, я покажу тебе созвездие Возницы, – сказал Сигмунд. – Что у тебя в рюкзаке?

– Только самое необходимое.

– Ты что, решил поселиться в горах, Макакус?

К ним подошел Райдар.

– А что у тебя в рюкзаке, Райдар? Только зубная щетка и презервативы?

Райдар не нашелся что ответить, презрительно фыркнул, отошел в сторону и приобнял Эллен Кристину.

– Он думает, он крутой, но на самом деле труслив, как заяц, – прошептал Сигмунд.

– Да, похоже на то, – прошептал в ответ Маркус и дал Сигмунду помочь снять рюкзак. Сигмунд не был папой, да и вообще, могло же ему быть все равно.

Они вошли в автобус, и Маркус заметил, что Мунахватила гитару. Значит, будет общая песня, и получается,

что ты будешь делать то, чего совершенно не желаешь, впрочем, так в жизни обстоит с большинством дел.

Маркус и Сигмунд нашли свободные места в середине автобуса.

«Четыре часа насильственной общей песни, – подумал Маркус. – В окружении врагов».

В поход отправились два учителя – Виктор Скуг и Карианна Петерсен. Карианна была самой популярной учительницей в школе. Ей еще не исполнилось тридцати, и она чемпионка округа по спортивному ориентированию. Кроме того, она знала массу песен. Скугу было за сорок. Он играл на пианино и пел в хоре. Похоже, выходные будут долгими.

Муна сидела впереди. Они проехали ровно восемь минут, и тут она открыла чехол с гитарой.

– Вот наш шофер, – пропела она, – вот наш шофер.

Он весел, ловок и хитер.

А если вдруг он не хитер,

Какой же он тогда шофер?

Вот наш шофер, вот наш шофер.

Он весел, ловок и хитер.

– Когда в поход ведут ребят, – начала Карианна Петерсен, сидевшая рядом с Муной...

Они нисколько не грустят,

А если вдруг и загрустят,

Тем только хуже для ребят.

– Подхватывайте, ребята!

И ребята подхватили.

Когда в поход ведут ребят,

Они нисколько не грустят.

– Твоя очередь, Эллен Кристина, – весело крикнула она.

– В погожий день, в погожий день, – начала Эллен Кри-

стина.

И так пошло дальше по автобусу. Один за другим одноклассники начинали стишок, который заканчивался общей песней. Спели про погожий день, про одного спортсмена, про праздники, фотографа, принца, скаута и многое другое. Кто-то рифмовал, кто-то только пытался, но все сочиняли свой маленький стишок. В какой-то момент Маркус заподозрил, что они тайно репетировали. Скоро очередь должна была дойти до него. Он судорожно искал нечто, о чем можно спеть, но его мозг был словно черная дыра. Он с сомнением посмотрел на Сигмунда, который пел:

Вот вам микрон, вот вам микрон,

И в сите не застрянет он.

А если вдруг застрянет он,

Какой же он тогда микрон?

Вот вам микрон, вот вам микрон.

И в сите не застрянет он.

Маркус закрыл глаза и уронил голову на грудь, пытаясь издать храп. Сигмунд толкнул его в бок.

– Твоя очередь, Маркус.

Маркус захрапел громче, но не помогло. Сигмунд вцепился ему в руку. Он был лучшим другом, но даже он не мог всего понять.

– Давай, Маркус! – крикнула Карианна Петерсен.

Она крикнула из лучших побуждений, потому как была простодушной и верила, что общая песня укрепит дружбу в классе и никто не будет чувствовать себя ненужным. В ее жизни все было слишком хорошо, чтобы она могла понять, что стеснительные могут стать еще стеснительнее, а одинокие еще более одинокими.

– С автографом... – тихо пропел Маркус сильным голосом, – с автографом.

Потом он в ужасе замолчал. Ни одно слово на свете не рифмовалось с автографом. Он закрыл глаза.

– Замечательно, Маркус, – крикнула Карианна Петерсен в поддержку.

Особенно его это не поддержало.

– С автографом, – пробормотал он слабо.

– Отлично! – крикнула Карианна Петерсен. – С автографом!

Маркус чувствовал, что теряет сознание.

– С автографом, – прошептал он.

Наконец Карианна Петерсен поняла, что ему нужна помощь.

– С автографом, – пропела она, – с автографом...

Но и она не могла найти рифму к автографу.

– Как хорошо с автографом! А если без...

Она ободряюще посмотрела на Маркуса. Он уперся головой в сиденье перед собой и замер.

– Без автографа, – пропел Сигмунд, – то, значит, без автографа.

– С автографом, – нестройно подхватил хор.

– Как хорошо с автографом!

Ну вот и все. Могло быть лучше, но могло быть и хуже. Он остался в живых, и еще многие не спели свой стишок, так что до следующей общей песни было много времени.

– Тупой макак, – запел Райдар, – тупой макак.

С мозгами у него никак.

А если вдруг с мозгами как,

Какой же он тогда макак?

Тупой макак, тупой макак,

С мозгами у него никак.

Ни Карианна Петерсен, ни учитель Скуг не понимали, почему среди учеников упоминание макака вызвало небывалое ликование, но то, что настроение снова стало превосходным после неудачного стишка про автограф, было очевидно.

ным, поэтому они тоже ликовали, и Карианна Петерсен подмигнула Маркусу, чтобы и он присоединился ко всеобщей радости. Маркус подмигнул в ответ обоими глазами. Тут зазвонил мобильник учителя Скуга. Муна перестала играть.

– Алле. Да. Что? Да, конечно. Да, всё в порядке. Что? Конечно, настроение отличное. Скажу.

Он сложил мобильник.

– Это был отец Маркуса.

Маркус посмотрел на окно и подумал, возможно ли открыть его и выпрыгнуть.

– Он позвонил пожелать нам приятного пути!

Слабые аплодисменты раздались в автобусе, Муна снова начала играть, и Пер Эспен запел:

У папы сын, у папы сын
И дня не проживет один.

«Вот теперь я засну, – подумал Маркус. – Если как следует расслабиться, я засну».

И ему удалось заснуть, прислонившись головой к плечу Сигмунда, который сидел и размышлял о тайнах звездного неба.

Класс пел свои песни, обменивался впечатлениями от прошлых походов в горы, рассказывал анекдоты, ссорился, ел шоколад и чипсы, рыгал, отгадывал загадки и прикидывал, сколько еще ехать. Маркус был совсем в другом ме-

сте. Он был в Голливуде, где ходил от дома к дому в Беверли-Хиллз и собирал автографы. Арнольд Шварценеггер только что пригласил его на бокал овощного сока, но тут автобус остановился. Всё, приехали.

Глава третья

Смеркалось. Мотель, в котором они собирались ночевать, располагался на высоте тысячи шестисот метров над уровнем моря. На следующий день планировалось подняться еще на семьсот метров к домику Туристического общества. Поход должен был длиться четыре часа, и Маркус решил, пока еще возможно, о нем не думать. Он взглянул на гору – на серо-голубую тень, заслонявшую вечернее солнце. Далеко наверху он заметил несколько белых пятен. Наверное, снег или маленькие ледники с глубокими трещинами. Что бы там ни было, наверняка что-нибудь неприятное, что придется преодолеть без лопаты, которой нет на случай обвала. Существует столько разновидностей обвалов снежных лавин или камнепадов. Неважно, что начнет обваливаться, – Маркус был уверен, что он обязательно в этот момент окажется поблизости. Вдалеке кто-то заблеял – очевидно, волк забрался в стадо овец. Ему про это рассказывали. С волками шутить нельзя, а он вовсе и не думал. Он хотел залечь на дно на время всего похода. Глубоко на дно. Теща себя слабой надеждой, что у него может подняться температура и он пролежит весь следующий день в мотеле, Маркус проследовал за остальными в вестибюль, где очень толстая и очень милая дама встретила их и рассказала, что на ужин подадут горную форель и сливовый компот. Мысль о том, что рыбная кость

может застрячь в горле и его придется спешно транспортировать в безопасную больницу, несколько взбодрила.

* * *

Их поселили в двух комнатах. Девочки и Карианна Петерсен ночевали в самой большой, а мальчики и учитель Скуг – в самой маленькой. Тесновато, но, по счастью, никто из мальчиков не взял с собой гитару. И это радовало. За Сигмундом он зашел в спальню и с грохотом уронил рюкзак на пол. Кажется, что-то разбилось. Градусник? Тогда ртуть разольется по рюкзаку. Очень неприятно. Он медленно открыл рюкзак, в страхе, что ртуть прыснет ему в глаза. Насколько он знал, ртуть – очень опасное вещество, распространяющееся повсюду. Нет, не градусник. Кружка, подарок от мамы. Белая кружка, на которой она написала «Маркус» красными буквами. Теперь она раскололась на три больших черепка. На одном было «М», на другом «АРК», а на третьем «УС». Он грустно оглядел осколки.

– Мир развивается от порядка к хаосу, – рассеянно сказал Сигмунд. – Думаю, ее можно склеить, – добавил он, заметив несчастный взгляд Маркуса. – Можешь взять мою кружку, я буду пить из крышки термоса.

– Ей почти столько же лет, сколько мне, – сказал Маркус. – Как ты думаешь, это знак?

Девять из десяти человек либо засмеялись над ним, либо

спросили, что он имеет в виду под словом «знак». Только не Сигмунд. Он понял, что Маркус имеет в виду знак того, что он сам скоро разобьется точно так же, как кружка. Задумчиво он посмотрел на осколки.

– Вряд ли, хотя никогда не знаешь. Лучше быть осторожным.

– Вот и я так думаю, – ответил Маркус рассеянно и начал раскручивать свой спальник.

Почти у всех мальчиков были современные спальники. Довольно новые и тем не менее потертые – явный признак бывалых туристов. У Маркуса спальник был старый, тяжелый, серый, слегка сбившийся, да еще и молнию заедало, зато совсем неиспользованный. Монс спал в нем два раза в течение месяца, когда сам был в молодежном походе уже почти тридцать лет назад.

– Только мумии спят в таких, – сказал Пер Эспен, которому на Рождество подарили синий супермодный спальник.

– Да что ты знаешь о мумиях, Пер Эспен? – спросил Сигмунд. – Кроме того, что ты читал в комиксах?

Пер Эспен не ответил. Он был вторым по росту с конца и знал, перед кем не стоит выделяться.

Маркус сдался в борьбе с молнией и решил использовать спальник просто как одеяло.

– Готовы, мальчики? – спросил учитель Скуг. – Все в порядке, Маркус?

– Да, надеюсь, – ответил Маркус.

Ни одной рыбной кости в горле у него не застряло, но он почти не ел форель. Тошнота притупляла чувство голода, и он ел ровно столько, чтобы никто не заметил, что он не ест. После ужина все собрались в гостиной послушать инструкции на завтра. После короткой общей песни было велено ложиться спать.

– Завтра будет длинный день, – сказал учитель Скуг, – времени уже пол-одиннадцатого, и вам всем нужно как следует выспаться. Мы с Карианной останемся и распланируем завтрашний день. Мы придем через полчаса, и в комнатах должно быть тихо.

После того как отклонили одиннадцать протестов, громко заявленное предложение сыграть в викторину и тихо объявленное – сыграть в покер на раздевание, ученики пожелали спокойной ночи учителям и, почистив зубы, забрались в спальники. Карианна Петерсен и учитель Скуг заказали по лимонаду, сели у окна с видом на гору, которую предстояло завтра покорить.

* * *

– Шарон Стоун... – шептал Вигго. – У Шарон Стоун груди, как горы. Она снималась в «Плейбое».

– Мелани Гриффит круче, – пробормотал Пер Эспен, – я бы не прочь затащить ее под одеяло, правда, Райдар?

– Она замужем за Доном Джонсоном, – сообщил Райдар, –

а его под одеяло затаскивать мне совсем не хочется.

– Да нет же, они развелись, – шепотом возразил Вигго. – По-моему, Мелани Гриффит свободна на рынке, так сказать.

– Они почти все разведены, – пробормотал Лейф Оге, – они женятся, потом занимаются сами знаете чем, а потом разводятся.

Родители Лейфа Оге только что развелись, поэтому он был большим специалистом по разводам.

– Только не Диана Мортенсен, – сказал Сигмунд, – она никогда не была замужем.

– Точно, – ответил Вигго, – Диана Мортенсен такая симпатяжка. Но, по-моему, она была вместе с Майклом Дугласом.

– Все были с Майклом Дугласом, – с видом знатока отрезал Райдар.

– Только не Мелани Гриффит, – сказал Вигго, – потому что она замужем за Доном Джонсоном. Если, конечно, они не развелись, – добавил он на всякий случай.

– Пол Ньюман никогда не разводился, – сказал Пер Эспен, – он постоянно женат. И мама с папой тоже.

– Что значит «постоянно»? – спросил Сигмунд.

– Ну, все время.

– Со времен Большого взрыва?

– С возникновения Вселенной.

– Заткнитесь! Я хотел сказать...

– Десять очков Шарон Стоун, – сказал Вигго, – и девять

Диане Мортенсен, восемь...

И пока мальчики из 6 «Б» обсуждали, кто из незамужних, замужних и разведенных звезд Голливуда самая сексуальная, Маркус тихо прошептал Сигмунду:

– Кто такая Диана Мортенсен?

– Ты что, не знаешь?

– Нет, только не говори никому.

– Диана Мортенсен родом из Хортена¹, но живет в Голливуде. Она играет в «Деньгах и власти».

«Деньги и власть» были нескончаемой американской мыльной оперой, которую показывали по телевизору каждую среду.

– Ты что, не видел?

– Нет.

– Тут я с тобой солидарен. Паршивый сериал, но он идет сразу после «Безграничной Вселенной». Я видел пару серий.

– А она... она красивая?

– Да, ужасно красивая. Но, по-моему, ей живется несладко.

– Почему?

– Не знаю. Она выглядит такой грустной. За всем этим гримом. У меня в бумажнике ее фотография.

– Зачем?

– Не знаю, – безразлично произнес Сигмунд, – просто случайно.

¹ Хортен – маленький город в Норвегии к югу от Осло.

– Можно посмотреть?

– Да, только другим не показывай.

Сигмунд достал сложенный листик бумаги и дал его Маркусу, который нырнул под спальник и зажег фонарик.

Диана Мортенсен сидела на краю бассейна. Ее кожа была невероятно белой, волосы выбелены, а губы сияли ярко-красным. Она смотрела на Маркуса большими глазами, такими же синими, как ее бикини. Хотя лицо было повернуто на камеру, она сидела к ней спиной. Она опиралась на руки. Рот был полуоткрыт. Диана улыбалась, но в то же время выражение ее лица было удивленным, немного испуганным. Было видно одну грудь. С другой стороны бассейна стоял здоровый парень в плавках. Он выглядел очень внушительно.

Маркус сглотнул и погасил свет. Он глубоко вздохнул и снова его зажег. Она по-прежнему улыбалась, но ему показалось, она испугалась еще больше. Сосок на груди был маленьким и красным. Ей было не больше двадцати. Он почувствовал, как рука Сигмунда тянется под спальник.

– Что это ты там делаешь?

– Ничего.

– Отдай фотографию.

Маркус снова потушил свет и протянул Сигмунду фотографию, которую тот случайно вырезал из журнала.

– Я видел ее груди.

– Только одну.

– Да, – прошептал Маркус. – А кто тот тип с другой стороны бассейна?

– Ее охранник.

Сигмунд положил фотографию обратно в бумажник и взглянул на остальных, которые как раз обсуждали, сколько очков дать Джулии Робертс – четыре или три. Так что они могли спокойно продолжать.

– После того как сделали фотографию, он попытался отнять фотоаппарат, но фотографу удалось смыться. А когда снимок напечатали, Диана Мортенсен подала на фотографа в суд.

– Зачем?

– Она считала, что он нарушает спокойствие частной жизни, но проиграла.

– Что, у нее нет частной жизни?

– Нет, суд счел, что она все подстроила.

– Что?

– Села полуголой. Суд посчитал, что это был пиар и что она все заранее просчитала.

– Тогда бы она не была такой испуганной.

– Суд посчитал, что это игра.

– Тогда суд ничего не понимает, – прошептал Маркус.

– Я тоже так думаю.

– Если бы я был судьей, я бы запретил этому фотографу снимать на всю его жизнь, – с горечью прошептал Маркус.

В полумраке Сигмунд кивнул:

– Ее называют норвежской Мэрилин Монро.

– А это кто?

– Актриса, которая жила давным-давно. Она тоже была секс-символом. Она умерла, когда ей было чуть за тридцать. Никто не знает, было это убийство или самоубийство. Жестокий мир.

– Да, пожалуй, – ответил Маркус.

– Мальчики, закрываем глаза!

Учитель Скуг покончил с лимонадом и планами на завтра. Он забрался в спальник. Тут раздался шепот:

– Три очка.

– Простите, что?

– Три очка, господин учитель.

– Что ты имеешь в виду, Райдар?

– Джулию Робертс, она получает три очка.

– Повезло Джулии Робертс. А теперь спим.

Двенадцать мальчиков и один мужчина, уснув, тяжело задышали, и никто не услышал тихого голоса из-под старого спальника возле окна:

– Диана Мортенсен, десять очков.

* * *

Диана заснула на краю бассейна, спиной на мраморном парапете, голой грудью к сверкающему солнцу. Наверно, больно так лежать без подстилки и одеяла. По счастью, он

прихватил свой новый синий супермодный спальник. Ему было бесконечно жаль ее. Потому что, несмотря на всемирную известность секс-символа, она была всего лишь пугливой маленькой девочкой, которую, кроме него, никто не понимал. Он очень хорошо чувствовал, каково ей было. Он был ее охранником и еще старшим братом. Когда-то он тоже был маленьким и трусливым. Он подошел к ней тихо, чтобы не разбудить. Быстрым движением расстегнул молнию на спальнике. С таким спальником нет никаких проблем. Раз плюнуть. Он осторожно накрыл ее спальником и прошептал:

– Не бойся, Диана. Я с тобой.

Вспышка света, более яркого, чем солнце, взорвалась у него перед глазами. Фотограф! Проклятый фотограф, который никак не оставит их в покое.

– Отдай фотоаппарат! – заорал он.

– Что случилось?

Маркус уставился на до смерти напуганного учителя Скуга. Он накрыл его своим серым спальником и собирался ударить учителя по щеке.

– Макакус ходит во сне, господин учитель.

Свет включил Райдар. Он стоял у двери, красный от еле сдерживаемого смеха. Маркус быстро отдернул руку.

– Макакус?

– Я имею в виду – Маркус, господин учитель.

Теперь проснулись все. Учитель Скуг был обескуражен.

– Не знал, что ты ходишь во сне, Маркус.

Маркус не отвечал. Оставалось только одно – сделать вид, что он все еще спит. Медленно, как лунатик, он поднял спальник и пошел к входной двери.

– Помогите, привидение! – отчаянно прошептал Пер Эспен, но Сигмунд остановил смех, который уже было начал раздаваться:

– Тс! Его нельзя будить.

– Почему это? – спросил Вигго. – Он же не может так ходить всю ночь.

– Если разбудить лунатика, у него может быть сильный шок.

Стало настолько тихо, насколько двенадцать мальчиков могли одновременно сдерживать взрыв смеха, а он периодически прорывался наружу.

Маркус почувствовал, как Сигмунд осторожно взял его за руку и помог пройти до кровати.

– Замечательно, Сигмунд, – прошептал учитель Скуг, – надо за ним присматривать.

– Предоставьте это мне, – пробормотал Сигмунд и помог Маркусу залезть в спальник.

– Как тебе удалось расстегнуть молнию? – прошептал он немного позже, когда остальные заснули.

– Мне приснилось, что я ее расстегнул, – прошептал Маркус в ответ.

– Я так и подумал. Сны могут быть такими же реальными, как сама реальность.

– Да, – ответил Маркус, – пожалуй.

Четыре часа спустя зазвонил будильник учителя Скуга. Была половина восьмого, и Маркус понятия не имел, спал он или нет.

Глава четвертая

– Мост такой узкий, господин учитель, – сказал Пер Эспен.

Они поднимались к домику и дошли до первого препятствия – бурного ручья, который Маркусу показался скорее речкой. По обеим сторонам ручья лежали огромные камни, ставшие от зеленой горной воды совсем гладкими.

«Камушки – специально, чтобы поскользнуться», – подумал Маркус, в сущности пребывавший в неплохом настроении. Завтрак прошел на удивление безмятежно. Никто не упомянул ночной эпизод. Некоторые девочки, может, и смотрели на него немного странно, но они всегда так смотрели.

Возможно, учитель Скуг сказал, что Маркус все еще может впасть в шок, если кто-нибудь начнет смеяться над его лунатизмом, а может, все так радовались предстоящему походу, что просто-напросто про него забыли.

Его рюкзак был намного легче, чем вчера. По предложению Сигмунда он оставил наименее необходимое в мотеле. Почти все. Конечно, он все еще ужасался походу, но ощущение катастрофы было не таким острым, как накануне.

– Это не мост, это доска, – сказала довольная Муна, – за просто пойду первой.

Муне легко. Она занималась гимнастикой и умеет дер-

жать равновесие. Кроме того, на ней были горные ботинки, которые точно приклеились к скользящей доске. Она ступила на доску и слегка подпрыгнула. Девочки пришли в восторг. Маркус прикусил язык. На нем были резиновые сапоги, и он не занимался гимнастикой.

Он решил, что не пойдет последним, но и первым тоже. Было бы хорошо пройти двенадцатым или четырнадцатым, перед Сигмундом, как можно более незаметно.

Райдар снял ботинки.

– Господин учитель, можно я перейду вброд?

– Нет, – сказал учитель Скуг, – ручей очень бурный. Ты можешь поскользнуться на камне.

«Ручей сметает, – подумал Маркус, – несет тебя, беспомощного, к водопаду, и прощайте все...»

Очередь дошла до него. Он осторожно ступил на доску. Казалось, что ручей только его и ждет. Он забурился еще сильнее. Наверное, водяному сообщили, что приближается обед, и тот за ним поспешил. М-да, может, он и почувствовал легкий испуг, но ведь он был в хорошем настроении и мог пошутить над собой в минуту опасности.

«Надо только думать о чем-нибудь другом», – рассуждал он.

Одновременно думать о чем-нибудь другом и о том, куда ставить ногу. Вот в чем задача. Еще три шага – и он на твердой почве или на скользком камне: зависит от того, как посмотреть.

– Ты суеверен, Макакус? – крикнул Пер Эспен, который спокойно перешел через мостик и был необычайно собой доволен.

«Еще два шага», – думал Маркус.

– Ты переходишь тринадцатым, ты знаешь?

Он перелетел. Прыжок тигра. Мировой рекорд по прыжкам с места. Он приземлился на живот и быстро уцепился за камень. Одна рука наткнулась на что-то острое, и он знал, что пойдет кровь.

– Какого черта ты прыгнул? – спросил учитель Скуг.

– Мне... мне захотелось.

– Осторожнее надо, детка.

Маркус медленно поднялся и взглянул на руки. Так и есть. С ладони сочилась кровь, но, вполне возможно, никто не обнаружит. Он заметил, что никто не смеется. Одноклассники скорее смотрели изумленно. Как бы новыми глазами. Он не понимал почему, пока не заговорила Карианна Петерсен:

– Да ты безумец, Маркус.

– Да нет, – скромно ответил Маркус, – мне просто нравится прыгать.

* * *

И вот они поднялись выше зоны лесов. Маркус шел вместе с Сигмундом по узкой земляной тропинке, поднимавшейся вверх по склону, словно бурый шрам. По обеим сторонам

тропинки лежали камни. Казалось, что они только недавно свалились с вершины. Но Маркус не боялся. Теперь он был безумцем. Исполнителем смертельных прыжков. Ему надо было беречь репутацию. Может, она и была ложной, но как-никак репутация. Он взглянул на платок, который держал в руке. Красное пятнышко было небольшим, и кровь остановилась. За ними шел только учитель Скуг. На всякий случай. Он мог успокоиться. Ничего не случится, покуда Маркус не повернется и не посмотрит вниз. А ведь стоит ему обернуться, как у него закружится голова и тогда может произойти все, что угодно. Но вниз он не смотрел. Он смотрел вверх, туда, куда невозможно было упасть.

– Ты что, идешь во сне, Макакус?

Это спросил Райдар. Он был по меньшей мере на сто метров выше. Потрясающе звучало эхо. Особенно когда оно ответило: «Во сне, Макакус!»

Теперь надо было сохранить добрую репутацию, пока она снова не стала дурной. Он опустил голову, сжал зубы и побежал наискосок по склону, прочь от тропинки прямо по вереску. Вдали он услышал, как кричит учитель Скуг:

– Маркус!

И гора ответила: «Маркус!»

Во рту он чувствовал привкус крови, но не останавливался. Он смотрел вниз на склон и бежал вверх по зеленому, красному, фиолетовому, розовому, белому и золотому ковру. Разноцветный лишайник, карликовые березы и вереск,

трава и листья. Он посмотрел вверх. Над ним, словно дом, возвышался огромный валун. Отличный валун для таких безумцев, чтобы на него залезать и наслаждаться природой.

– Стой! – Это был Сигмунд.

Маркус начал карабкаться на валун.

«Догони, – подумал он, – пожалуйста, догони!»

Вот он забрался на валун. Он стоял спиной к долине, и взор его был устремлен ввысь.

«Давай! Пожалуйста, пока я не обернулся!»

– Что это ты делаешь, Макакус?

Сигмунд залез на валун и уставился на Маркуса большими испуганными глазами. Маркус никогда его таким не видел. Такими могут быть только друзья.

– Пожалуйста, – медленно произнес он, – пожалуйста, не называй меня Макакусом.

Сигмунд обнял его за плечи:

– Больше не буду, Маркус.

Маркус улыбнулся:

– Я поднялся сюда один. Видел?

Сигмунд кивнул. Казалось, он вот-вот разрыдается.

– Да.

– Я хотел посмотреть на вид, понимаешь. Поэтому я и забрался.

– Только не смотри, – сказал Сигмунд, – это совсем необязательно.

– Не обязательно все понимать, – прошептал Маркус.

– Что это вы там делаете, мальчики? – Это был учитель Скуг. Он покраснел, задыхался и был совсем не добрым.

– С горами нельзя шутить. Вы же понимаете, что мы должны быть вместе.

– А мы вместе, господин учитель, – сказал Сигмунд и слегка толкнул Маркуса в плечо, прежде чем убрать руку.

– Я просто хотел посмотреть на вид, – сказал Маркус.

– Понимаю, – ответил учитель Скуг, – но тебе следует сдерживать свой авантюризм.

Маркус кивнул, и учитель Скуг, который не хотел, чтобы его считали строгим, подмигнул ему.

– Должен признаться, отсюда в самом деле открывается прекрасный вид. Посмотри, какая красивая сон-трава².

– *Pulsatilla vernalis*, – сказал Сигмунд.

– Конечно, – сказал учитель Скуг. У него тоже была репутация, которой он дорожил, и он не хотел, чтобы ученики поняли, что он не знает латинского названия. – Какая красивая пульсатилла, Маркус!

Маркус обернулся и посмотрел вниз на склон горы.

– Да, – пробормотал он, оседая на валун. Там он и улегся, глядя в кружащееся над головой небо. – Пульсатилла очень красивая.

² Сон-трава – голубой цветок, распускающийся ранней весной. Занесен в Красную книгу.

У стены домика сидели мужчина и женщина лет двадцати. Лица их были загорелыми, а улыбки – белозубыми. Кажалось, что они вышли прямо из рекламы про альпинистов. Мужчина курил трубку и изучал карту. Женщина просто загорала. Маркус подумал, что это хозяйева домика, но пара заговорила по-датски. Оказалось, что это туристы и они идут на ледник.

– Ой, господин учитель, а мы не можем пойти на ледник? – спросила Муна.

– Нет, – сказал учитель Скуг. – Думаю, на сегодня приключений достаточно. Сначала немного поедим, а потом мы с Карианной подготовим для вас викторину.

– Викторина – это же детский сад, – пробормотал Райдар, – идти по леднику куда круче.

– И намного опаснее, – сказала Карианна Петерсен.

– Мой дядя тысячи раз ходил по леднику, – сказал Пер Эспен. – Он говорит, что это очень круто.

– Ты же сам не ходил, Пер Эспен, – сказала Карианна Петерсен. – Ты же не ходил по леднику.

– Нет, – сказал Пер Эспен, – но мне ужасно хочется.

Маркус не знал – то ли от горного воздуха, то ли от облегчения, что он добрался доверху и никто (кроме Сигмунда) не обнаружил, что он боится высоты, то ли просто из-за

какого-то глупого упрямства, – но он произнес полнейшую ерунду. Он не хотел этого говорить. Оно само выплеснулось у него изо рта, как ярость, которую уже не остановить.

– Я ходил по леднику, – сказал он так громко, что все, даже датчане, его слышали.

– Правда, Маркус? – спросил учитель Скуг немного удивленно. – Тогда ты знаешь, что это не шутки.

Маркус и хотел было помолчать, но ярость продолжала бушевать.

– Да, надо привыкнуть к горам. Иначе будет плохо.

– Врешь, – сказал Пер Эспен.

– Если ты ходил по леднику, то я – Арнольд Шварценеггер, – усмехнулся Вигго.

– Мы с папой каждое лето ходим на ледник, – сказал Маркус и постарался проглотить язык.

– Отлично, Маркус, – обрадовалась Карианна Петерсен. – Тогда, может быть, ты прочитаешь нам небольшой доклад.

– Доклад?

– Да, о путешествии по леднику.

– Когда?

– Вечером, – отозвалась Эллен Кристина, – перед общей песней.

– Отличная мысль, – сказал учитель Скуг.

Маркус хотел возразить, что ему нужно время на подготовку, но презрительные взгляды недоверчивых одноклассников заставили ярость бушевать дальше.

– Легко, – ответил он, – могу рассказать что-нибудь о своих впечатлениях.

– Договорились, – сказал учитель Скуг, кивнул датчанам и зашел в домик.

Домик был меньше вчерашнего мотеля, оставшегося далеко внизу. Здесь не было толстой доброй женщины, подававшей форель и сливовый компот. Стоял только кухонный шкаф, набитый консервами, лимонадом и шоколадом, за которые можно было заплатить, оставив деньги в ящике на стене. Была еще старомодная плита, дрова, сложенные в коробку, а за домиком бежал ручеек, из которого можно было черпать свежую ледяную горную воду в ведерко, стоявшее у стены домика. Тропинка вела мимо дома, по бурой земле и по белым пятнам снега, наверх на ледник, напоминавший синее-зеленое снежное небо.

В викторину играли командами по четыре человека. Команда Маркуса была привилегированной благодаря Сигмунду, который знал и норвежские, и латинские названия цветов, кустов и лишайников: можжевельник, ягель, кукушкины слезки, болотный слепень, зверобой.

Мысль о том, что еще до сумерек он должен прочесть серьезный доклад о путешествии по леднику, не давала Маркусу возможности вкушать радость победы. До начала доклада оставалось несколько часов, а время летело удивительно быстро и в то же время медленно. Каждая секунда была словно вечность, но каждый час – словно секунда.

Учитель Скуг отодвинул кофейную чашку.

– Ну, ребята, – сказал он, – теперь пора Маркусу начинать.

В доме настала полная ожидания тишина.

– Пожалуйста, – сказал учитель Скуг.

Маркус встал. Его слегка покачивало, и он чувствовал, как язык наливается тяжестью.

– Путешествие по леднику, – начал он, – это как бы... путешествие по леднику.

Он остановился и с сомнением оглядел одноклассников. Кто-то достал карандаш и бумагу, чтобы записывать, другие же сидели в полной уверенности, что он влипнет по самые уши, да так, что можно будет установить мировой рекорд. Ни учитель Скуг, ни Карианна Петерсен не понимали, что происходит. Они ведь верили, что он маленький, но лихой безумец, привыкший к горам. Во всяком случае, им хотелось верить, потому что они уже давно пытались разгадать, чем же живет этот застенчивый мальчик, который на уроках почти ничего не говорит. То, что он вдруг оказался опытным альпинистом, только подтвердило их теорию о том, что во всех есть скрытые таланты.

– Когда собираешься на ледник, очень важно взять с собой теплую одежду.

Сигмунд кашлянул. Был ли это тайный сигнал? Не ляпнул

ли он что-нибудь?

– Если, конечно, не светит солнце, – сказал он медленно. – Тогда теплая одежда не так важна.

– А как насчет ботинок? – пробормотал Райдар.

Кто-то прыснул. Наверняка Эллен Кристина.

– С шипами, – прошептал Маркус. – Альпинистские ботинки с шипами.

Все началось со смеха Пера Эспена. Слова покатались изо рта Маркуса, сначала бессвязно:

– Когда мы с папой в прошлом году ходили на ледник... было... очень холодно... Дул такой ветер... почти ураган.

Кто-то свистнул. Он знал, что это был сигнал об опасности, но ему было наплевать. Он уже завелся.

– Да, – сказал он громко, – просто буря!

– Буря, – прошептала Муна.

Маркус продолжал:

– Мы с папой оглядели ледник. Хороший совет был бы очень кстати. Надвигался туман...

– Откуда? – спросил Вигго.

– Он... он... опускался!

– Так я и знал, – сказал Вигго, он был одним из тех, кто записывал.

– Тс-с! – сказал учитель Скуг.

– Опускался туман, – продолжал Маркус, – лыжню за нами занесло. Что нам было делать? Развернуться?

– Нет! – воскликнули хором четыре мальчика и три де-

вочки.

– Нет! – воскликнул Маркус в ответ. – И мы не развернулись! Мы продолжали путь! Мы продолжали путешествие по леднику!

Он попытался остановиться, но было невозможно. Слова набегали все быстрее и быстрее. Он понятия не имел, что говорит. Да и говорил-то не он. Все приходило само собой и хоронило его мысли в ужасном вихре безумных фантазий и невероятного вранья.

– С другой стороны горы стоял теплый домик. В нем было спасение. Мы согнулись и шли. Ледник был скользким как каток!

Он перевел дыхание. В комнате воцарилась мертвая тишина. В этот момент открылась дверь. Зашли датчане. Уставшие, но довольные. «Ладно, пусть заходят! Двумя слушателями больше, двумя меньше – какая разница».

– Мы расстелили куртки и поехали по леднику, в спину дул ветер, а мы ликовали и смеялись. Впечатление было потрясающим.

Он справился. Точно так же, как написать письмо с просьбой об автографе. Все получалось само собой. Надо было просто выдержать.

– Мы и раньше знали, что путешествие по леднику может быть опасным. Но страшнее всего на леднике – трещины. Да-да, трещины – главный враг альпиниста. И что мы увидели вдалеке?

– Трещину, – сипло прошептал Пер Эспен.

– Да! – воскликнул Маркус. – Трещину, и такую глубокую, как... невероятно глубокую трещину! И мы с папой скользили прямо в сторону трещины! Ой-ой-ой!

Он не знал толком, зачем выкрикнул «ой-ой-ой». Как-то некстати пришлось. Но это уже не играло никакой роли.

– Да, – воскликнул он, – ой-ой-ой! И хороший совет пришелся бы кстати еще раз. Я был легче папы, и скорость у меня была больше, я и скользил быстрее. Трещина приближалась. Ой-ой-ой! Я подумал, настает мой смертный час, но вот... за спиной я услышал шум. Кто-то шел конькобежным шагом. Это был папа. Он, собственно, был когда-то конькобежцем. Он подросел как раз вовремя. Я попытался затормозить, но буря переросла в... ураган! Я закрыл глаза, и когда подумал, что настал мой самый смертный час, папа ухватил меня за рюкзак. Изо всех сил он потянул меня назад. Мы покатались к трещине и остановились всего в метре от черной дыры!

Маркус замолчал. В голове гудело. Будто он читал доклад во сне. Пол под ним ходил ходуном.

«Только я хожу во сне, – подумал он, – сейчас нельзя просыпаться. А то может быть сильный шок».

Он открыл рот. Слова больше не вылетали. Он оглядел лица вокруг. Они были совершенно заледеневшими. Теперь же лед начал таять.

«Не надо таять, – подумал он. – Пожалуйста. Не тай!»

– И что дальше? – спросила датчанка, оттаявшая первой.

– Мы пошли домой, – сказал Маркус тихо, – а потом... мы сошлись на том, что путешествие удалось на славу.

В этот момент зазвонил мобильник учителя Скуга.

– Это твой отец, Маркус, – сказал он медленно. – Интересно, как у тебя дела.

– Отлично, – сказал Маркус и упал в обморок.

* * *

В домике была дополнительная спальня. Вообще-то там собирались ночевать датчане, но они оставили комнату Маркусу и устроились с остальными так тесно, словно селедки в бочке. Никто его не дразнил. Все молчали, когда учитель Скуг провожал его в комнату. Он подумал, как все странно. Чем больше он влипал, тем меньше его дразнили. М-да, может, они решили, что он сошел с ума. Сумасшедшие ведь бывают опасны. Может, он тоже опасен. Нельзя этого не учитывать. Полностью свихнулся, стал непредсказуемым и смертельно опасным. Бомба замедленного действия, которая взорвется когда угодно. Он уставился в потолок и начал считать трещины в балках. Трещин было много, и, очевидно, с годами их становилось все больше. В конце концов потолок когда-нибудь обвалится. Может, даже сегодня ночью. Пока он спит. «Мир развивается от порядка к хаосу», – говорил Сигмунд, а Сигмунд обычно не врет. Это он сам врет. Но нена-

меренно, просто чтобы выжить.

– Тридцать одна, – считал он, – тридцать две, тридцать три.

Дверь открылась. Он закрыл глаза и захрапел.

– Маркус! – Это был Сигмунд. – Как дела?

Маркус открыл глаза.

– Отлично.

– Меня можешь не обманывать.

– Думаешь, мечтать – это все равно что обманывать?

Сигмунд посмотрел на него как-то настороженно.

– Не знаю. Зависит, наверно, от того, о чем мечтаешь.

– Я мечтаю, что все станет по-другому.

– Тогда это – не обманывать. Это – надеяться.

– Какой ты умный, Сигмунд.

– Да, – сказал Сигмунд серьезно. – Иногда я думаю, не гений ли я.

– А ты хвастаешься точно так же, как я.

– Это не хвастовство, это реальность.

– И со мной так же, к сожалению.

– Что?

– Реальность. Как ты думаешь, на меня ночью обрушится потолок?

– Нет, – сказал Сигмунд, – не обрушится. – Он подошел к окну и выглянул на улицу. – А я вижу Сириус.

Маркус поднялся с кровати:

– Где?

– Там. Звезда, которая так ярко светит. Но тому свету, который мы видим сейчас, понадобилось больше восьми лет, чтобы дойти досюда. То, что мы видим, – это Сириус восемь лет назад.

– Хотел бы я там оказаться, – сказал Маркус.

– Где?

– На Сириусе. Восемь лет назад. Они спят?

– Да.

– Могу поспорить, что я им снюсь.

– Почему это?

– Мне кажется, кто-то смеялся.

– Глупо думать о себе так плохо.

– Смеяться тоже плохо.

– Я не смеюсь, – сказал Сигмунд.

– Нет, – сказал Маркус, – но только потому, что ты – гений.

Он пошел назад к кровати. Сигмунд отправился к двери. На пороге он обернулся:

– Могу я для тебя что-нибудь сделать?

– Можешь сломать мобильник учителя Скуга?

– Нет, не могу.

– Тогда достань мне адрес Дианы Мортенсен.

– Зачем это?

– Просто так. Интересно, где она живет. У тебя что, есть адрес?

– Он указан под фотографией, чтобы фанаты могли пи-

сать.

– Я и есть фанат, – сказал Маркус.

Сигмунд кивнул:

– Я тоже. Совершенно случайно.

* * *

Дорогая Диана Мортенсен!

Я – норвежский альпинист и миллионер. Сейчас лежу один в домике высоко в горах, недавно выбравшись из трещины, в которую имел несчастье упасть. Я отморозил несколько пальцев на ногах, сломал пару ребер и кое-где поцарапался, но в остальном я в прекрасной форме. С мобильного я позвонил в Красный Крест и рассчитываю, что помощь прибудет в течение ближайших нескольких часов. Пишу Вам, потому что нашел здесь в домике журнал, где прочел об ужасной истории, приключившейся с Вами. Должен сказать, что очень хорошо Вас понимаю. Если бы я был Вашим телохранителем, то сбросил бы фотографа в ближайшую трещину в горах. Я хочу, чтобы Вы знали, что много норвежских альпинистов думают о Вас, жалеют Вас и желают Вам всего самого лучшего. Раз уж я пишу это письмо, должен признаться, что у меня есть особенное хобби. Дело в том, что я собираю автографы. Наверное, Вы удивитесь, но, будучи миллионером, я часто встречаю интересных людей. Собирать автографы – хобби весьма увлекательное для оди-

ногокого миллионера. Сейчас я не женат. Горы и бизнес отнимают все мое время. И я, как Вы понимаете, – одинокий миллионер точно так же, как и Вы – одинокая кинозвезда. Я это вижу по Вашим глазам. Но не бойтесь, Диана Мортенсен. В один прекрасный день и Вы, и я встретим подходящую пару.

С уважением из норвежских гор от
Маркуса Симонсена, миллионера

P. S. Если письмо покажется Вам немного странным и наивным, наверное, это оттого, что я получил небольшое сотрясение мозга, когда падал в трещину. Из-за этого я, как ни странно, чувствую себя мальчишкой. Как Вы можете понять из слов и почерка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.